

На третий день Чи Юй застал в главном покое Второго принца с бубенцами в руках.

На четвёртый — увидел его с деревянной плашкой.

На пятый — Цинь Су встретил его, вертя в пальцах затупленный кинжал.

...

Так миновало семь дней.

На восьмой день, едва переступив порог, Чи Юй почувствовал: благодаря «бескорыстному вкладу» Второго принца его внутренние силы восстановились уже наполовину. Конечно, не обходилось и без побочных эффектов. После того как принц ежедневно по часу, а то и дольше, вертел его и так и эдак, он ощутил, что ноги становятся ватными.

Поэтому, увидев Цинь Су, чинно восседающего в комнате в ожидании встречи, Чи Юй ничуть не удивился.

Вероятно, телесная близость и впрямь лучший способ сократить дистанцию. В эти дни в памяти Чи Юя то и дело всплывало странное, чуждое понятие — «Стокгольмский синдром». Впрочем, те обрывочные знания об этом термине, что хранились в его голове, не имели ничего общего с нынешним положением дел.

С его точки зрения, их занятия больше напоминали «парное совершенствование». Эта мысль, внезапно возникшая в сознании, заставила его вздрогнуть.

«Какое там совершенствование... — усмехнулся он про себя. — Скорее уж я поглощаю чужую энергию для восполнения собственной».

С каждым разом раздумья становились всё причудливее.

Однако вместе с возвращением внутренней силы обострились слух и обоняние. До него всё чаще долетали приглушённые пересуды служанок.

— Когда это хозяин так кого-то баловал? Семь дней кряду! И каждый божий день вызывает его в главные покои.

— Да разве ж те, кого господин жаловал раньше, выдерживали хоть неделю? А этот... сам до покоев доходит, своими ногами. Может, господин его так балует из-за исключительной выносливости?

— Ну как ты можешь так говорить! Вдруг господин просто... особенно нежен с ним?

— Ой, да брось ты. Вспомни лучше, где сейчас те, кого он «жаловал» прежде? Аж дрожь берет, как подумаю. В любом случае, кто бы ни был в фаворе у господина, нам-то точно ничего не светит...

Похоже, служанки видели во Втором принце форменное чудовище.

Что же до самого Чи Юя, то за всё время, проведённое в главном покое, он не заметил в методах Цинь Су ничего из ряда вон выходящего. Если называть вещи своими именами, всё это было не более чем изодранными любовными играми. За годы службы Чи Юй повидал немало людей и судеб; он проходил через жесточайшие испытания, пытки и оказывался на волосок от гибели. Столь «мягкий» подход принца не мог поколебать его дух. Он отвергал Цинь Су лишь потому, что тот ему не нравился.

Отношение принца к нему было необъяснимо мягким, и Чи Юй, предприняв несколько осторожных попыток прощупать почву, не скрывал своего удивления.

Но раз эта снисходительность была искренней, он принимал её как должное.

Чи Юй не понимал, почему все — от служанок и тайных стражей до тех несчастных, что оказывались связанными в покоях (его нынешних «коллег», если угодно), — испытывали перед принцем такой трепет. Некоторые и вовсе бледнели от ужаса, когда слышали, что Чи Юй позволяет себе обращаться к Цинь Су на «ты».

За эти семь дней Чи Юй успел изучить вкусы Его Высочества.

Каждый раз принц приносил всё новые инструменты, пытаясь продемонстрировать их действие, чтобы склонить Чи Юя к их использованию. Разумеется, для демонстрации привлекали других людей, и каждый день — новых.

У всех этих подопытных, независимо от пола, были общие черты: бледная кожа, беззащитная покорность, хрупкое или даже изящное телосложение и глаза, подёрнутые влажной пеленой.

Чи Юй считал, что совершенно не вписывается в этот канон, а потому находил поведение Цинь Су — его ежедневные вызовы, близость и непонятное стремление делиться внутренней энергией — крайне загадочным.

Если бы Второго принца спросили, что он об этом думает, он бы ответил:

«Откуда мне знать, почему в твоём случае мои вкусы внезапно дали осечку?»

Ему казалось, что на этом бледном, но крепком теле, излучающем скрытую силу и опасность, любые следы выглядят потрясающе красиво.

Цинь Су заподозрил неладное ещё на второй день.

Он и сам был мастером боевых искусств, чей уровень немногим уступал главе союза мудрецов. Принц признавал, что в пиковой форме Чи Юй был сильнее его, но сейчас, когда тот страдал от внутренних ран и потери сил, Цинь Су безошибочно чувствовал любые перемены.

Проведя простой анализ, он понял: техника Чи Юя была уникальной. Внутренняя энергия, которую тот развивал, в корне отличалась от обычной. По всем законам, если вливать силу в чужое тело без должного руководства и подготовки, это должно приводить к столкновению несовместимых энергий, хаосу в меридианах и, в худшем случае, к безумию. Изначально Цинь Су делился энергией именно для того, чтобы заставить Чи Юя мучиться, но вместо этого тот становился лишь бодрее.

Настоящий паразит, поглощающий чужую мощь. Просто невероятно!

Он предпринял ещё пару попыток передать энергию, и его догадки подтвердились.

Тогда принц заколебался: у него не было полной уверенности в том, что он сможет сдержать и контролировать Чи Юя. Помогать ему восстанавливать силы раньше времени было опасно. Однако у этого человека было такое бесхитрое и благородное лицо, а во взгляде, обычно спокойном, порой проскальзывала мягкость. Каждый раз при встрече он смотрел с безмятежным ожиданием.

И ведь сейчас Чи Юй принадлежал ему! Как можно было устоять перед таким взглядом?

В итоге Второй принц, поддавшись искушению, продолжал снабжать его энергией, раз за разом доводя дело до изнеможения.

Но тот не только не сопротивлялся, но и охотно шёл навстречу. При этом он не выдавал никаких бурных реакций, не издавал ни звука, и даже тело отзывалось неохотно. Это лишало Цинь Су чувства триумфа, но лишь разжигало в нём азарт.

«Не верю, что не смогу тебя сломить! На моей постели сломался не один и не два мастера, неужели я не справлюсь с тобой?»

Однако спустя семь дней... Второй принц начал ловить себя на мысли, что его собственная бодрость куда-то улетучивается. Может, он всё-таки переусердствовал, поддавшись азарту? В конце концов, этот парень — высокочлассный тайный страж, его мышление устроено иначе. И только какому-то помутнению рассудка можно приписать то, что Цинь Су семь дней кряду тратил время на эти игры, откладывая все свои планы.

В этот день Второй принц решил поговорить с Чи Юем по-настоящему серьезно.

Телесная близость действительно сближает: Цинь Су осознал, что его доверие и симпатия к Чи Юю уже перешагнули черту дозволенного. Старые планы пришлось отбросить, решив переманить этого человека на свою сторону открыто.

Цинь Су не был доверчивым человеком. За исключением Чи Юя, не было никого, ради кого бы он уже на вторую встречу отослал всех тайных стражей. Он даже не подумал применить к нему методы «дрессировки», хотя в его поместье это было обязательным этапом для каждого.

Скорее он был подозрителен сверх меры. Каждого слугу в доме он проверял годами, изучая все их связи. Но некое чутье заставляло его верить Чи Юю, желать сделать его частью своих планов.

Он никогда не полагался на интуицию, но в этот раз необъяснимо следовал зову сердца.

Цинь Су усмехнулся, поболтал в чашке остатки остывшего чая и осушил её одним глотком.

Он заранее отослал четырёх стражей, охранявших его покой. Когда Чи Юй вошёл, на нём было тёмно-красное одеяние, в котором его лицо казалось высеченным из чистейшего нефрита. Эту одежду Цинь Су приказал сшить специально; её закончили вчера и тут же доставили Чи Юю. Как принц и ожидал, красный цвет подходил ему идеально.

Цинь Су небрежно наполнил ещё одну чашку, посмеиваясь над своими порой неуправляемыми мыслями. Он слегка вскинул подбородок и произнёс с долей высокомерия:

— Садись.

Он по-прежнему полулежал в своём любимом кресле-качалке из красного дерева. Рядом на низком столике стоял чайный набор. Вид у него был вальяжный, но взгляд оставался пронзительным, а он едва заметно улыбался.

Чи Юй по его знаку опустился на мат по другую сторону столика.

У него не было опоры под спиной, он сидел на коленях, выпрямившись. В этой позе не было ни капли напряжения или подобострастия; напротив, он выглядел расслабленно и величественно, словно отпрыск знатного древнего рода.

Цинь Су не сдержал восхищения:

— Изумительная выправка. Благородный облик.

— Вы мне льстите, — отозвался Чи Юй.

Второй принц задумчиво вертел чашку в руках.

— Твои силы восстанавливаются на редкость быстро, — заметил он как бы между прочим.

— Ваша заслуга, — ответил Чи Юй, глядя на столик. Цинь Су всегда вёл себя с ним мягко, и Чи Юй понимал, насколько велика эта снисходительность, поэтому теперь он совершенно естественно взял чайник и налил себе чаю.

Дзынь.

Принц небрежно бросил чашку на столик.

Он искоса взглянул на Чи Юя, и в его голосе прозвучали низкие, почти обиженные нотки:

— Раз уж признаёшь, что это моя заслуга, почему же ты так упорно отказываешься опробовать мои инструменты?..

Чи Юй на миг замер, после чего спокойно ответил:

— Они мне не нравятся.

Цинь Су тяжело вздохнул:

— Что ж, ладно... Когда-нибудь ты всё равно их опробуешь. Хотя бы потому, что они нравятся мне.

Он произнёс это с такой уверенностью, в упор глядя на Чи Юя, что тот невольно засмотрелся на его глаза — ясные и холодные, словно далёкие звёзды.

Чи Юй промолчал, и это можно было счесть за молчаливое согласие.

Принц продолжил:

— Слушай внимательно. Сегодня уже десятое число... Пятнадцатого мой восьмой брат устраивает приём. Ты пойдёшь со мной.

— Приём? — Чи Юй невольно вспомнил о Пятом принце.

— Обычная попойка, ничего особенного. Я распорядился подготовить для тебя одежду. Завтра к тебе придут, обучат правилам этикета, — Цинь Су не придавал этому событию большого значения. Но это был отличный повод вывести Чи Юя в свет.

Второй принц посмотрел на Чи Юя, который сидел, опустив глаза, покорно, но без малейшего признака слабости.

«Интересно, как изменится лицо пятого братишки, когда он его увидит? Это будет незабываемое зрелище».

Цинь Су негромко рассмеялся. Он потянулся через столик и подцепил указательным пальцем подбородок Чи Юя:

— В оставшиеся дни нам придётся постараться... чтобы твои силы восстановились ещё больше. Хм... А ведь если подумать, это и впрямь похоже на наше «парное совершенствование».

Сжав подбородок Чи Юя двумя пальцами, он повернул его голову вправо, влево, изучая, и снова усмехнулся:

— Хотя, пожалуй, это не совсем точно. Пользу получаешь только ты. Нужно найти определение поудачнее... Как насчёт «маленького оборотня, крадущего чужую жизнь»? Ты ведь меня почти досуха выжал.

Чи Юй слушал молча, но на словах про «оборотня» не сдержал лёгкой дрожи.

Он спокойно встретил взгляд принца — вкрадчивый, но опасно мерцающий.

— Выжал досуха? — переспросил он, и, так как его подбородок был в плену, ему пришлось с трудом скосить глаза на пояс принца и то, что ниже. — Неужели вы... не справляетесь?

Тишина.

Цинь Су резко оттолкнул его и, вскочив, перемахнул через столик, прижимая Чи Юя к мягкому мату.

— Ты совсем страх потерял! — прорычал он. — Цыц... завтра же велю поварам сменить меню...

Его голос стал глухим и невнятным.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь шорохом одежд и прерывистым дыханием двоих.

Когда он оказался прижат к полу, Чи Юй повернул голову. За окном в лёгком ветерке едва заметно колыхались голые ветви деревьев.

Он закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/17538/1704036>